Классики народов России:

Муса Джалиль

ДАЙДЖЕСТ

ЕКАТЕРИНБУРГ, 2016

Министерство культуры Свердловской области
Свердловская областная межнациональная библиотека

«Классики народов России: Муса Джалиль»

Екатеринбург, 2016

ББК 83.3
К 47

Редакционная коллегия:
Автух Ф. Р.
Ваганова Т. В.
Колосов Е. С.
Лебедева Т. В.

Классики народов России: Муса Джалиль / сост. О.В. Быкова ; Свердл. обл. межнац. б-ка ; вёрстка Е. В. Орловой. – Екатеринбург, 2016. – 36 с.

Ответственный за выпуск: Колосов Е. С.

Содержание

Вступительное слово.....6

«…Жизнь наша – лишь только искра всей жизни Родины»..7

Воспоминания о Мусе Джалиле.....16

«Моабитская тетрадь».....31

Приложение: Муса Джалиль в кинематографе.....34

Список рекомендованной литературы.....35

Вступительное слово

Муса Джалиль – большой поэт, в этом убеждает простое чтение его стихов, среди которых есть стихи по-настоящему гениальные. Поэзия Мусы Джалиля, одухотворенная высокими человеческими идеалами, наполненная горячей любовью к людям, нашла дорогу к миллионам сердец. Мусу Джалиля знают и почитают не только в нашей стране, его знают и почитают миллионы людей в Европе, Америке, Азии. Его стихи, его смерть – это великий подвиг.

Известный азербайджанский поэт Самед Вургун сказал замечательные слова о Джалиле:

«Мир и мировая литература знает много поэтов, обессмертивших свои имена неувядаемой славой, но таких, как поэт-герой Муса Джалиль, увековечивших свое имя и бессмертными творениями, и смертью, которая сама является подвигом, не так уж много. Вот они: великий Байрон, славный поэт Венгрии Петефи, герой Юлиус Фучик и, наконец, Муса Джалиль».

Дайджест «Классики народов России: Муса Джалиль» выходит к 110-летию со дня рождения великого татарского поэта и может быть полезен библиотекарям, педагогам, читателям, всем, кто интересуется историей и культурой Республики Татарстан.

«...Жизнь наша – лишь только искра всей жизни Родины»

Муса Джалиль (Муса Мустафович Залилов) родился в татарской деревне Мустафино Оренбургской губернии (ныне Шарлыкский район Оренбургской области) 2 (15) февраля 1906 года в крестьянской семье.

Отец Мусы, Мустафа, сын бедного аульного пастуха Абубакира, с детских лет гнул спину на богатого купца. Был мальчиком на побегушках, позднее работал приказчиком.

Огромное влияние на формирование внутреннего мира будущего поэта оказала его мать Рахима-Апа. Спокойная, тихая, уравновешенная, полная противоположность Мустафе-абзы, темпераментному, вспыльчивому, легко подверженному неожиданным перепадам настроения, – она обладала бесконечным терпением и стойкостью. Но не только нравственные основы характера Мусы складывались под ее воздействием.

Первые годы жизни Мусы, как и у большинства сверстников, были трудными: голодное детство, ранняя смерть отца, очень быстрое взросление. Как обычный татарский мальчик того времени, в шесть лет он пошел сначала в сельскую школу, где за год овладел азами грамоты и выучил несколько сур Корана. После переезда в Оренбург учился в медресе «Хусаиния». Оно считалось «новометодным», то есть прогрессивным по тем временам медресе. Наряду с Кораном, здесь изучались и светские дисциплины, велись уроки родной литературы, рисования и пения.

Когда весной 1919 года в окруженном белогвардейцами Оренбурге возникла комсомольская организация, тринадцатилетний Муса записался в ряды Союза молодежи, он рвался на фронт. Но в отряд

его не взяли: маленький, щуплый, он выглядел совсем мальчишкой. Вернувшись после смерти отца в родную деревню, Джалиль создал детскую коммунистическую организацию «Красный цветок». В 1920 году по инициативе Мусы в Мустафино возникает комсомольская ячейка. Кипучий, деятельный по натуре, Муса становился признанным вожаком сельской молодежи. Его выбрали членом волостного комитета РКСМ и отправили делегатом на губернскую конференцию комсомола. Муса не просто агитировал за новую жизнь, но и с оружием в руках отстаивал молодую Советскую власть: в отрядах частей особого назначения воевал с белыми бандами…

В 1921 году в Оренбуржье пришла жестокая засуха и голод. На глазах Мусы умерли от голода двое его братишек. Чтобы не быть семье в тягость, Муса уехал в город и влился в толпы голодной беспризорной детворы, наводнившей в то страшное лето Оренбург. В эти месяцы он «ел что попало, ночевал где придется, воровал». Позднее с помощью одного из сотрудников красноармейской газеты «Кызыл Юлдуз» (в ней были напечатаны его первые стихи) Муса стал курсантом Оренбургской военно-партийной школы, а затем – студентом ТИНО (Татарского института народного образования), созданного на базе медресе «Хусаиния».

Бурное богатое событиями время способствовало идейному раннему созреванию будущего поэта. Еще в начале 1917 года одиннадцатилетний Муса пишет стихотворение, в котором говорит о первой мировой войне как о бессмысленной бойне, ежедневно уносящей тысячи жизней, и посылает его в редакцию татарской газеты «Вакыт» («Время»). Стихотворение, конечно, осталось ненапечатанным. Позднее Муса вернулся к нему, подчеркнув свое сочувствие народным массам («На войне», 1920).

До нас дошло несколько толстых общих тетрадей 1918–1921 годов со стихами, рассказами, пьесами Мусы и сделанными им записями народных песен, сказок и легенд. Значительная часть стихотворений этого периода осталась ненапечатанной при жизни поэта. Но и по ним можно получить некоторое представление об этапах творческого возмужания Джалиля. Уже с самых первых стихов чувствуется стихийный демократизм начинающего автора. Выходец из низов, немало хлебнувший в своей жизни и горя, и нужды, Муса с

искренним сочувствием относится к народу. Правда он еще не умеет облечь свою мысль в плоть художественных образов и декларирует ее прямо:

Жизнь моя для народа, все силы ему,
Я хочу, чтоб и песня служила ему.
За народ свой я голову, может, сложу –
Собираюсь служить до могилы ему.

(«Слово поэта свободы»)

Национальное под пером поэтов, рожденных революцией, приобретает иные формы. В поэзию проникает новая лексика. На смену традиционным восточным образам приходит революционная символика – алое знамя, пылающая заря свободы, меч революции, серп и молот, сияющая звезда нового мира… Примечательны названия юношеских стихов Джалиля: «Красное войско», «Красный праздник», «Красный богатырь», «Красный путь», «Красная сила», «Красному знамени». Поэт настолько часто употребляет в эти годы эпитет «красный» (в его новом, революционном значении), что некоторые исследователи называют этот этап творчества поэта «красным периодом».

«Меня вела… окрыляла вера в свою поэтическую силу»

27 мая 1920 года В.И. Ленин подписал декрет, провозгласивший образование в составе РСФСР Татарской Автономной Республики. Появилась прочная основа для развития национальной экономики, науки, культуры. В Казань съезжаются молодые татарские литераторы, музыканты, художники, одержимые

желанием принять участие в становлении нового искусства.

Осенью 1922 года в Казань переезжает и шестнадцатилетний Джалиль. Здесь он работает переписчиком в газете «Кызыл Татарстан» («Красный Татарстан»), а затем учится на рабфаке при Восточном педагогическом институте. Он знакомится с наиболее яркими представителями татарской советской поэзии: Кави Наджми, Хади Такташем, Аделем Кутуем и другими, участвует в диспутах, литературных вечерах, с головой окунается в бурную литературную жизнь республики.

С 1924 года он – член литературной группы «Октябрь», стоявшей на пролеткультовских позициях. Поэт не раз подчеркивал, что новый этап в его творчестве начинается в это время:

«В годы рабфака в моем творчестве наметился переворот. В 1924 году я стал писать совсем иначе». («Мой жизненный путь»).

Все свободное время он отдает творчеству, активно печатается в казанских газетах и журналах. В татарской поэзии 20-х годов возникло своеобразное революционно-романтическое течение, получившее название «гисьянизм» (от арабского слова «гисьян» – «бунт»). Чуткий ко всему новому, готовый идти в ногу с веком, Муса отдал дань и этому течению. От лозунговых и откровенно агитационных стихов он делает резкий переход к сгущенной метафоричности, нарочитой усложненности поэтического языка, романтической окрыленности, масштабности «космически» отвлеченных образов:

Я солнцу новый путь открыл за мглою,
Я побывал в гостях у синих звезд,
Я небо сблизил и сдружил с землею,
Я со вселенной поднимаюсь в рост...

Его герой мечтает о вселенском пожаре, в котором сгорит все старое, отжившее. Он не только не боится смерти, а идет ей навстречу с каким-то восторженным самоотречением.

В стихах Джалиля 20-х годов нашли образное выражение высокие идеалы нового поколения: чистота чувств, искренность, страстное стремление служить народу. И пусть поэзия эта не знала полу-

тонов, но она рождена и вдохновлена юношеским максимализмом, высоким накалом гражданских чувств. У этой романтически-окрыленной поэзии, при всей ее условности, было свое неповторимое очарование:

Вошла стрела под сердце…Нараспашку
Открыта мне неведомая новь.
Течет на белоснежную рубашку
Моя еще бунтующая кровь.
Пусть я умру… Но вы, кто по соседству
Окажетесь в иные времена,
Взгляните на рубашку – кровью сердца
В тревожный цвет окрашена она.

(«Перед смертью»)

В творчестве Джалиля отчетливее проявляются краски и образы реальной жизни. Этому способствует и активная общественная деятельность поэта. В годы работы инструктором Орского укома комсомола (1925–1926) Джалиль ездит по казахским и татарским аулам, организует комсомольские ячейки, ведет активную политико-массовую работу. В 1926 году он становится членом Оренбургского губкома комсомола. В следующем году его посылают делегатом на Всесоюзную конференцию ВЛКСМ, где он избирается членом татаро-башкирской секции ЦК ВЛКСМ. После переезда в Москву Джалиль совмещает учебу в МГУ с большой общественной работой в ЦК комсомола. Он становится членом бюро секции и впоследствии заместителем ответственного секретаря.

«Комсомольская работа обогатила мой жизненный опыт, закалила меня, воспитала во мне новый взгляд на жизнь», – отмечал позднее поэт. («Мой жизненный путь»).

Джалиль постепенно формируется как певец молодежи, поэт комсомольского племени. Многие его стихи приурочены к знаменательным датам в жизни ВЛКСМ («Восемнадцать»), стали популярными комсомольскими песнями («Песня молодости», «Споемте, друзья»,

«Песня комсомольской бригады» и др.).

В сборнике «Товарищу» (1929) преобладают стихи о современности и современниках. Но и в этой книге господствует тот же дух революционного аскетизма, готовности к подвигу в бою и в труде, порою даже своего рода поэтизации трудностей. Еще одна особенность лирики Джалиля (также во многом характерная для советской поэзии 20-х годов) – исторический оптимизм. Поэт словно бы опьянен открывшимися перед ним небывалыми перспективами. Он не просто устремлен в будущее, а как бы опережает события, воспринимает как свершившийся факт то, что только еще рождалось в муках и боли.

Герой поэзии Джалиля – чаще всего крестьянский паренек, рвущийся к свету новой жизни. Чаще всего поэт рассказывает о себе, своей любви, дружбе, учебе, окружающем его быте. Лирический герой его стихов бескомпромиссен, одержим идеалами светлого будущего, презирает мещанское благополучие.

В 1931 году Джалиль заканчивает литературное отделение Московского университета по специальности «литературная критика». До конца 1932 года продолжает работать редактором детского журнала «Октябрь баласы» («Октябренок»). Затем заведует отделом литературы и искусства в центральной татарской газете «Коммунист», выходившей в Москве. Но в столице живет не так уж много, постоянно разъезжает по стране. Джалиль никогда не был только профессиональным литератором. На протяжении своей жизни он либо учился, либо работал, нередко совмещая по две-три должности одновременно.

В 1934 году выходят два итоговых сборника Джалиля «Орденоносные миллионы», куда вошли в основном стихотворения на комсомольско-молодежную тему и «Стихи и поэмы», включившие лучшее из того, что создано поэтом в конце 20-х – начале 30-х годов. Эти книги подводят итог предшествующему периоду и знаменуют начало нового, зрелого этапа.

Поэзия Джалиля становится глубже, многообразнее, обогащается внутренний мир лирического героя. Его чувства становятся достовернее, а восприятие жизни – философски значительнее, мудрее. Стиль поэта характеризуется страстным, приподнято-эмоци-

ональным отношением к миру. С одной стороны, в этом находит выражение свойственный эпохе исторический оптимизм. С другой – проявляются черты активной, жизнедеятельной натуры и горячего темперамента поэта. Любое событие или явление действительности пробуждает у него порыв к немедленному поступку, вызывает восторженное одобрение или столь же страстное неприятие. Герой его всегда воинственно активен.

В стихах Джалиля – народный язык, чисто национальный юмор, лаконизм, образность. В 30-е годы углубляются литературные связи с писателями братских республик. Джалиль много времени отдает переводческому делу. Переводит «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели (в соавторстве с А. Файзи), поэму «Батрачка» Шевченко, пушкинские стихи и романсы, стихотворения Некрасова, Маяковского, Лебедева-Кумача, Голодного, Ухсая и др. Предвоенные годы отмечены в творчестве Джалиля усилившейся тягой к эпической широте изображения. В это время им создано несколько крупных эпических поэм. Очень интересна не опубликованная при жизни автора поэма «Директор и солнце» (1935). Своеобразны по характеру и стилистическому рисунку поэмы «Джиган» (1935–1938) и «Письмоносец» (1938). Джалиль написал четыре оперных либретто. Самое значительное из них – «Алтынчеч» («Золотоволосая», музыка композитора Н. Жиганова). Около пяти лет Джалиль проработал редактором детских журналов. Писал передовые статьи, корреспонденции, готовил сатирические материалы и юморески под рубрикой «Из блокнота Шамбая», вел обширную переписку с читателями. В эти годы он приобрел вкус к работе с детьми, лучше узнал детскую психологию. Он пишет пионерские песни и марши, басни и стихотворные фельетоны, пейзажные зарисовки и изящные миниатюры для самых маленьких. Много писал Джалиль для детей и позднее. В конце 30-х – начале 40-х годов Джалиль работает заведующим литературной частью Татарского оперного театра. Писатели Татарии выбирают его руководителем своей организации. Джалиль по-прежнему в гуще жизни. Живет новыми творческими планами: задумывает роман из истории комсомола, начинает поэму о современной деревне. Война перечеркнула эти планы.

«…Вернусь, коль останусь живым на войне»

23 июня 1941 года, Джалиль отнес в военкомат заявление с просьбой отправить его на фронт, а уже 13 июля он надел военную форму. Сначала был ездовым, когда же выяснилось, что рядовой Залилов – известный писатель, руководитель татарской писательской организации, – его хотели демобилизовать, но Джалиль, окончив краткосрочные курсы, вернулся на фронт под Волхов корреспондентом армейской газеты «Отвага».

Был ранен, взят в плен и оказался в тюрьме Шпандау. Там его звали Гумером. Находясь в концлагере Шпандау, он организовал группу, которая должна была готовить побег. Одновременно вёл политическую работу среди пленных, выпускал листовки, распространял свои стихи, призывающие к сопротивлению и борьбе. По доносу провокатора он был схвачен гестаповцами и заключён в одиночную камеру берлинской тюрьмы Моабит. Ни жестокие пытки, ни посулы свободы, жизни и благополучия не сломили его воли и преданности Родине. Джалиль был казнен в Берлине 25 августа 1944 года.

В первые недели Отечественной войны Джалиль написал цикл стихотворений «Против врага», куда вошли боевые песни, марши, страстные патриотические стихи, построенные как взволнованный поэтический монолог. Иной характер носят стихи, написанные на фронте. На смену патетическому монологу и открытой публицистичности приходит бытовая лирика, просто и достоверно раскрывающая чувства и мысли человека на войне. Об ужасах фашистской неволи написано немало, но никто не расскажет об этом так, как это сделали сами узники концлагерей и тюрем, свидетели и жертвы кровавой трагедии.

Одним из таких неповторимых, обжигающих своей подлинностью документов являются и «Моабитские тетради» Джалиля. В них мало бытовых деталей, почти нет описаний тюремных камер, мытарств и жестоких унижений, которым подвергались узники. В этих стихах иного рода конкретность – эмоциональная, психологическая. По многим стихам моабитского цикла видно, как нелегко приходилось Джалилю. Тоска и отчаяние тяжелым комом застревали в горле. Надо знать жизнелюбие Мусы, его общительность, при-

вязанность к друзьям, жене, дочурке Чулпан, его любовь к людям, чтобы понять всю тяжесть вынужденного одиночества. Нет, не физические страдания, даже не близость смерти угнетали Джалиля, а разлука с Родиной. Он не был уверен, что Родина узнает правду, не знал, вырвутся ли на волю его стихи. Вдруг фашистам удастся оболгать его, и на Родине будут думать о нем как о предателе? Все, о чем рассказано в «Моабитских тетрадях», – глубоко личное, сокровенное. Но от этого оно не перестает быть общественно значимым. Здесь найден тот чудесный сплав личного и общенародного, к которому поэт стремился всю жизнь. То, что накапливалось в творчестве Джалиля постепенно, годами, проявилось в ослепительно-яркой вспышке. Со страниц «Моабитских тетрадей» перед нами встает не просто талант, принадлежащий одному народу, а поэт, по праву принадлежащий к лучшим сыновьям человечества.

Муса Джалиль написал в тюрьме следующее:

Не преклоню колен, палач, перед тобою,
Хотя я узник твой, я раб в тюрьме твоей.
Придет мой час – умру. Но знай: умру я стоя,
Хотя ты голову отрубишь мне, злодей.

Высокая сила духа перед лицом смерти, перед палачами вовсе не означало, что Джалиль легко расставался с жизнью. Лирический герой его стихов скорбит, что уходит из жизни, что уходит от всех радостей и тревог, что жизнь с ее неоглядным простором – уже не для него.

Я знаю, как сладко жить,
О сила жизни победная!
Но я умираю в тюрьме,
Это песня моя – последняя.

Амина Джалиль «О Мусе Джалиле»

Джалиль жил широко, открыто, щедро раздавая окружающим богатства своей души

«В Москве с 1935 по 1938 год Джалиль выполнял обязанности заведующего литературной частью татарской оперной студии при консерватории.

Студия отнимала у Джалиля много времени. Но она помогла ему вплотную познакомиться со сценой, узнать ее законы. Он много переводил, писал.

Часто не успевая сделать все сам, Муса усаживал и меня за стол. Я протранскрибировала ему однажды клавир «Севильского цирюльника». И, помню, очень горевала, когда он забыл его где-то в троллейбусе. С тех пор, боясь своей неисправимой рассеянности, он никогда не пользовался городским транспортом, ходил пешком.

<…>

Вместе со студией наша семья также перебралась в Казань. Студийцев разместили в большом доме, напротив парка культуры и отдыха, на улице Николая Ершова.

Вскоре Мусу избрали председателем Правления Союза писателей Татарии. Вновь у него была серьезная работа. И опять я не помню, чтобы он тяготился ею.

Джалиль вообще делал с охотой все, что ему поручалось. Он писал внутренние издательские отзывы, рецензии для газет и журналов, редактировал книги, трудился в Союзе писателей. Его энергия, жажда нового была неистощима.

<…>

… Он нередко засиживался до пяти-шести часов утра. Обще-

ственные заботы поглощали дневное время, для работы по-прежнему оставались вечер и ночь. Вот где нужно было его здоровье: слабому не выдержать почти круглосуточного труда… Как и в Москве, он старался приходить с работы в четыре-пять часов и сразу ложился спать.

<…>

Семь предвоенных лет, наиболее творческих лет Мусы, мы прожили очень дружно, в согласии. Чулпан доставляла нам обоим много радости. Уход за ней бесконечно любивший ее Муса превращал в веселый и занятный культ. Нашему счастью, казалось, не будет конца. Джалиль был очень тонким, чутким, и рифы, встававшие на нашем пути, обходились нами довольно легко.

<…>

Друзья Джалиля, да и я, нередко страдали от его рассеянности и частых опозданий.

Однажды мы собрались съездить в Москву. В последний момент Муса вспомнил, что ему по неотложному делу непременно надо зайти в театр. Он взял Чулпан и помчался в театр. Я с Таждаровой и Кутуем поехала на вокзал.

На вокзале мы внесли вещи в вагон и вышли на перрон. До отхода поезда остается двадцать, потом пятнадцать, десять, наконец, пять минут... Уже нет времени даже выгрузить вещи. Вокруг суетятся люди. Прощаются, целуются. Толкотня.

Мы стоим и дружно ругаем Мусу.

Но вот вдали замелькала его белая рубашка. Он быстро шел к нам.

Мы все начали его бранить. А он смеется: «Я же еще не опоздал!»

Баратов, ставивший в оперном театре «Алтынчеч», шутил: «Если хотите, чтобы Джалиль пришел к одиннадцати, назначайте ему в девять. Он будет ровно в одиннадцать».

<…>

Муса бывал постоянно чем-нибудь занят. Он верил в себя, в свои силы и потому, вероятно, так щедро тратил время на друзей, на работу в студии.

<…>

... В июле 1941 года жена Хатыпа Усманова принесла мне записку

от Мусы. В то время он находился в военном лагере. В воскресенье я с Чулпан и Усманова пошли к мужьям… Чулпан не узнала отца, бритого, в выгоревшей гимнастерке. Испугалась, не шла к нему на руки.

У Мусы на глазах выступили слезы.

Свидание наше прошло в разговорах о рукописях, о составлении сборников. Муса был озабочен делами писательской организации Казани. Тревожился он и о том, как мы будем жить, когда он уйдет на фронт. Тревожился о нашей судьбе, если случится худшее.

В нем сочетались будничность, деловитость со способностью думать о большом, с мыслями о смерти и бессмертии. Это рождало спокойную, вселяющую в людей веру, простоту и мужественность характера Джалиля…».

Чулпан Мусеевна Залилова

«В Казань мы переехали в 1939 году, когда папа возглавил Союз писателей Татарии. Моя мама Амина Сейфуллина тогда не работала, но я всё время была с отцом. Он даже на работу меня брал, приводил в Дом печати, где шли заседания, сажал в кожаное кресло, и я ждала. Перед войной ставили оперу «Алтынчэч», к которой отец написал либретто. Во время многочасовых репетиций папа оставлял меня в ложе, я смотрела, потом засыпала, просыпалась, а передо мной снова сказка, костюмы, музыка».

<…>

… Он рвался на фронт. Дочка лежала с температурой, когда он сказал: «Чулпаночка, я уезжаю! Можно мне уехать?» Она кивнула. Он был в форме, валенках и мохнатой шапке – таким и остался в её памяти.

<…>

… 12 января 1942 года он написал маме: «...я думаю о Чулпаночке, представляя её без папы. Думаю так: вот последнее моё расставание с нею было действительно последним. Она уже больше никогда не увидит папу. Ей родной, близкий, самый дорогой человек уже больше к ней не вернётся, не придёт, не поласкает её, не будет качать её на ножках, не поиграет с ней, не расскажет ей интересные сказки. Она никогда не увидит больше знакомые, родные глаза. Будет терпеливо ждать, как она ждала меня с работы, но всё будет напрасно. Когда я думаю об этом, мне становится жутко. Я начинаю дрожать, невольно появляются слёзы на глазах… Так сильна моя любовь к Чулпаночке».

<…>

К первому классу мне по ордеру выдали длинное чёрное платье. С этим платьем я, сама того не зная, надела траур по отцу через неделю после казни... Когда в НКВД узнали о плене, маму мучили допросами. Дома она рыдала, но не говорила, что отца подозревают в предательстве. Наоборот, продолжала сохранять культ папы – «это папина ложка», «папа бы сказал», «папа так делал». Наш дом опустел, остались только преданные друзья отца –

Гази Кашшаф, Ахмет Файзи, Ахмет Исхак. В тяжёлые годы в стороне от имени отца держались и его бывшие жёны с детьми – старшим сыном Альбертом и дочерью Люцией. Мы с ними никогда не общались.

<…>

В минуты ностальгии передо мной встают отрывки детских воспоминаний. Меня часто спрашивают, горжусь ли я отцом, когда читаю «Моабитские тетради». А у меня душа болит от безумной тоски, которая осталась в стихах. Я теряю папу каждый раз, когда читаю эти строки…»

Муса Джалиль женился летом 1936 года на выпускнице экономического техникума Амине Сайфуллиной. В своих воспоминаниях Амина-ханум

пишет о «беззаботности, счастливой окрыленности» дней, проведенных с Мусой, которые остались «самыми светлыми и счастливыми» в ее жизни.

Но если бы и не было этих воспоминаний, лучшим свидетельством являются стихи Джалиля, многие из которых посвящены Амине. «Умница моя» – так ласково называет поэт жену. Когда в семье случались размолвки, Муса, помня известный афоризм: «Из двух ссорящихся виноват тот, кто умнее», умел стать выше житейских мелочей, мог найти теплые, прочувствованные слова и развеять, может быть, невольно причиненную им обиду:

Полно, умница моя, перестань.
Пустяками чистых чувств не мути.
Разве точат на попутчика нож?
А ведь нам с тобой идти да идти...

Эти строки написаны в самом начале их совместной жизни. Но и спустя много лет, уезжая на фронт, Муса так же тепло и ласково обращается к подруге жизни. Чувство его не только не ослабло, а, наоборот, стало более зрелым, осознанным:

Прощай, моя умница!
Если судьба
Пошлет мне смертельную рану,
До самой последней минуты своей
Глядеть на лицо твое стану...

В мире переживаний заточенного поэта постоянно присутствует память о близких, о полноте жизни, оставшейся на далекой родине. Особенная, сокровенная тема Джалиля, чистый, не иссякавший источник его лирических переживаний – любовь к дочери.

Чулпан родилась 10 апреля 1937 года. Муса Джалиль в это время был в командировке в Казани. Получив телеграмму, бросил все дела и вернулся в Москву. Сколько прекрасных стихотворений он посвятил своей дочери: «Колыбельную», «Кызыма», «Когда она росла», «Моей дочери Чулпан».

Любовь к дочери больше многого другого говорит о человеческой личности Мусы, его способности к сильному и острому чувству. Это счастье отцовства выразилась и в лирике тех лет. «Моя Чулпаночка» – так обращался он к ней в своих письмах.

Родилась беспомощным комочком,
Но растет и крепнет с каждым днем.
Голосок ее звенит звоночком,
В сердце откликается в моем.
Сорока болезнями готов я
Сам переболеть, перестрадать,
Только бы сберечь ее здоровье,
За нее мне жизнь не жаль отдать.
Нынче вот сама дошла до двери
В первый раз…И я так горд теперь,
Будто бы она, по меньшей мере,
Мне открыла полюс, а не дверь.

(«Когда она росла», пер. Р. Морана)

С фронта он пишет письмо к дочери Чулпан. В письме он надеется на победу над врагом и скорой встрече с дочерью.

Всей кровью тебя в бою защищу,
Клятву родине дам своей,
И звезду Чулпан на заре отыщу
И опять обрадуюсь ей.
Моя кровь не иссякнет в твоей крови,
Дочь, на свет рождённая мной.
Я отдам тебе трепет своей любви,
Чтоб спокойно спать под землёй!

В неволе отцовское чувство становится трагически напряженным. Воспоминания о дочери, любовь к ней ранят сознание поэта, отзываются болью разлуки для обоих. Тоска по своему ребенку охватывает Джалиля с мучительной силой.

Дочурка мне привиделась во сне.
Пришла, пригладила мне чуб ручонкой.
– Ой, долго ты ходил! – сказала мне,
И прямо в душу глянул взор ребенка.
От радости кружилась голова.
Я крошку обнимал, и сердце пело.
И думал я: так вот ты какова,
Любовь, тоска, достигшая предела!

Гази Кашшаф «О моем друге»

«В мае 1942 года с Волховского фронта я получил от Мусы Джалиля письмо, в которое было вложено завещание, написанное карандашом на простой бумаге. Поэт писал, что он начал заниматься литературной деятельностью с 1916 года, т. е. когда ему было десять лет, а его первые стихи напечатаны в 1919 году во фронтовой армейской газете «Кызыл юлдуз», выходившей в Оренбурге. С тех пор Муса Джалиль постоянно печатался, но, как он признавался, опубликовано лишь тридцать-тридцать пять процентов его произведений.

«Большая часть моих рукописей мною затеряна... до войны я их не сумел собрать и привести в порядок», – сообщал Муса Джалиль и просил меня собрать все его рукописи.

<…>

Муса Джалиль дневников не вел. Его записные книжки предназначались для сбора материала к новым произведениям. К письмам для душевного откровения он прибегал в исключительных случаях. «Когда чувствам и мыслям становилось тесно в сердце и в голове», – он писал стихи. Он мог писать когда угодно и где угодно. Он вдохновенно работал над многими произведениями одновременно, работал с увлечением, ненасытной жаждой творчества… Писал быстро, как бы стремясь догнать, не упустить свои мысли, большей частью простым карандашом. Второпях он забывал пронумеровать страницы написанного. Хорошо еще, если Муса записывал свои произведения в тетради или в блокноте, но часто он писал на разрозненных листках, а то и на клочках бумаги.

<…>

Он любил жизнь и стремился туда, где шла напряженная борьба за новое. С комсомольским темпераментом и страстностью Муса кидался в бой и с наслаждением писал об этой борьбе в своих ярких, эмоциональных стихотворениях.

<…>

Над драматической поэмой «Алтынчеч», сочетающей легенду с историей, реальную действительность с фантазией, он работал упорно и долго, написал одиннадцать вариантов, пока не достиг совершенства. Замечательная лирическая поэма «Письмоносец» также имеет много вариантов, и, когда она была завершена окончательно, Муса не спешил с ее опубликованием. Она пролежала еще два года, подвергаясь испытанию временем, и была напечатана в 1940 году, принеся славу ее автору.

Коренастый, плотный и плечистый, всегда со вкусом одетый, аккуратный и элегантный, Муса Джалиль быстро шагал по улице и порой не замечал своих знакомых: в это время он жил в мире творимых образов. Эти образы так увлекали его, что он нередко оставлял свою папку или портфель там, где находился.

<…>

Он всегда что-нибудь создавал, был возбужден новыми замыслами, вдохновлен самой жизнью. Любитель шуток, игр, Муса Джалиль и в самой веселой компании не забывал о своих героях, но порой он стремился к уединению и тогда целыми днями бродил по парку или по лесу, погруженный в свои думы. Во время таких прогулок он с детским любопытством рассматривал полевой цветок, кустик земляники, тонкую березу, как бы заново открывшийся перед ним пейзаж.

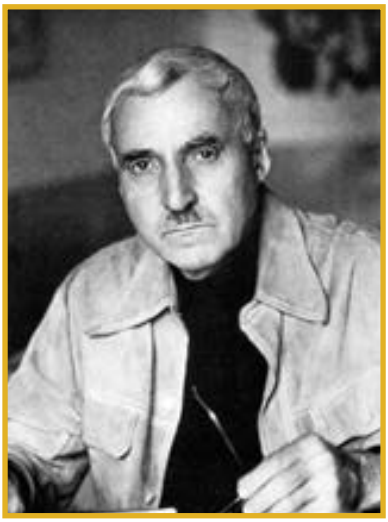
<…>

Если поэт с детства на память знал всего Тукая, М. Гафури, Дердмэнда, тысячи народных песен, а в дальнейшем обогатил свою память шедеврами русской и мировой поэзии, знал наизусть стихотворения русских и татарских советских поэтов, то не удивительно, что он все свои произведения читал наизусть и мог воспроизвести их на бумаге по памяти. Так случилось со знаменитыми Моабитскими тетрадями. С помощью своих друзей поневоле он раздобыл бумагу и сделал себе записные книжки. Бисерным почерком он заносил в них свои стихи, созданные в плену, и даже помнил дату рождения многих из них. Раздобыть бумагу было нелегко, и часть стихотворений и одна поэма этого периода творчества так и не были занесены в тетради. “Куда писать? – Умирают вместе со мной”,– сокрушенно написал Муса Джалиль на обложке одной записной книжки.

<…>

В годы войны творчество Мусы Джалиля поднялось на новую ступень. Он активно работал над стихами, быстро их переписывал, обычно в двух экземплярах, и отправлял в тыл, подлинники просил беречь. Все, что волновало его, Муса всегда спешил выразить языком поэзии…».

Константин Симонов «Сосед по камере»



Жизнь Мусы Джалиля принадлежит истории нашей литературы

«…Я достал блокнот и по старой журналистской привычке почти стенографически быстро, стараясь не пропустить ни слова, стал записывать подряд все, что в ответ на мои вопросы вспоминал о Мусе Джалиле Тиммерманс.

***

Я познакомился с Джалилем в конце 1943 или, пожалуй, в самом начале 1944 года. Это было в Берлине, в тюрьме на Лертерштрассе.

Джалиль уже был в камере, когда меня туда привели немцы. Он сидел там вдвоем с одним немецким солдатом польского происхождения, родом из Силезии. Этот солдат уходил на целые дни из камеры, он работал на кухне в какой-то другой тюрьме, и его утром уводили туда, а вечером приводили оттуда, поэтому я по целым дням бывал вдвоем с Джалилем.

<…>

Я знал французский и немного немецкий, а Муса Джалиль знал только русский и татарский, но нам хотелось говорить друг с другом, и мы старались это делать. В нашу тюрьму приходила газета «Фелькишер беобахтер», которую раздавали заключенным. У этой газеты были довольно широкие поля. Мы обрезали их и, скрепив, делали из них узенькие тетради. Я и Джалиль рисовали на этих тетрадях разные предметы и каждый раз говорили друг другу, как этот предмет называется: Джалиль – по-русски, а я – по-французски, и оба заучивали эти слова. То есть тетради мы делали не сразу, а сначала рисовали и записывали слова на отдельных листочках, а потом уже переписывали их с переводом в тетради. Эти тетради пропали у меня потом, когда немцы переводили меня в другую тюрьму.

<…>

В нашей тюрьме заключенным, если они просили об этом, иногда давали работу и инструменты для работы. Мы с Джалилем попросили дать нам работу, надеясь получить при этом какой-нибудь инструмент, которым можно ковырять стену. Наши надежды оправдались, нам приказывали вырезать пазы на деревянных круглых крышках (не знаю, для чего и куда шла эта деталь). Для работы нам дали несколько инструментов, в том числе небольшую стамеску. Этой стамеской мы и стали ковырять стену.

Сначала мы стали долбить стену, отделявшую нас от камеры, где сидел Булатов… Через несколько дней после того, как мы продолбили отверстие в одну камеру, немножко отдохнув, мы начали долбить отверстие в другую. На этой стене находилось отопление, и хотя нам было очень неудобно работать, но мы все-таки старались пробить дырку за трубами отопления, чтобы ее не было видно. Нам показалось с Джалилем, что вторая стена тверже, чем первая, а может быть мы просто устали. Джалиль говорил мне, что ему очень хочется поговорить с Алишевым, сидевшим за этой стеной, но довести дело до конца нам так и не удалось. Однажды за Джалилем пришли конвоиры и увезли его в Дрезден, на суд.

<…>

Он больше не вернулся, но я его видел еще один раз потом, в тюрьме в Шпандау. Тюрьма, где мы сидели, вообще была гражданская, но одно крыло – наше – было отведено под военную тюрьму для подследственных. Татары, которые сидели в соседних камерах, тоже были отправлены на суд в Дрезден. Джалиль говорил мне, что они сидят по одному делу с ним.

<…>

В августе 1944 года, в связи с покушением на Гитлера, все политические заключенные были изъяты из берлинской тюрьмы, где мы сидели, и переведены в Шпандау. Через несколько дней после того, как я очутился в Шпандау, утром, во время прогулки по тюремному двору, я услышал чей-то голос, кто-то привлекал мое внимание, шепотом говоря: «Пет... пет...» Я долго озирался, но никого не заметил. Через день, на прогулке, я снова услышал этот звук. Окна нижнего этажа тюрьмы были расположены сравнительно невысоко, они

открывались внутрь, оставляя узкую щель. И вот я вдруг увидел в такой щели голову Джалиля, верней, не всю голову, а только часть лица, потому что щель была очень узкая. Я продолжал ходить по кругу – останавливаться было нельзя. Сделав круг, я снова поравнялся с этим окном и, нагнувшись, сделал вид, что завязываю шнурок на ботинке. Я стоял, наклонившись, и не видел в то мгновение Джалиля, но слышал его голос, он сказал мне шепотом по-немецки, что суд состоялся и что ему отрубят голову.

<…>

Мне очень хотелось повидаться и поговорить с ним, и я стал узнавать через товарищей, в какой день заключенные того крыла, где находился Джалиль, ходят в душ. В это время тюрьма была перегружена после покушения на Гитлера, и в ней царил беспорядок. Хотя я сидел в другом крыле, но мне удалось попасть в тюремный душ в тот день и час, когда там мылись заключенные из другого крыла. Там я увидел Джалиля и, пока мы стояли рядом и мылись, десять минут говорил с ним. Джалиль сказал мне, что он и все его товарищи татары приговорены к смертной казни.

<…>

Примерно за полмесяца до того, как его отправили на суд в Дрезден. Он передал мне маленькую тетрадку, сделанную из почтовой бумаги, которая продавалась в тюремной лавочке… Он уже задолго до суда был уверен, что его казнят. Он несколько раз совершенно спокойно говорил мне о том, что у него нет ни малейших сомнений на этот счет. В тот день, когда он мне передал тетрадь, Джалиля вызывали к начальнику тюрьмы. Точно не знаю зачем, но, кажется, требовали подписать какую-то бумагу. Когда он вернулся из тюремной конторы, он подошел ко мне, дал мне тетрадь и попросил, если я останусь жив и вернусь домой, сохранить ее и передать после войны в советское консульство в той стране, где я окажусь.

<…>

Когда меня переводили в Шпандау, я взял ее с собой – спрятал в одежде, а когда мне объявили мой новый приговор – пять лет каторги, то на следующий день после приговора я, как и все другие, должен был пойти в тюремную контору и сдать все лишнее. Мы уже были не подследственные, и нам запрещалось иметь лишние

вещи… Я собрал вещи, которые мне нужно было сдавать, и засунул в них тетрадку Джалиля так, чтобы ее не сразу было видно, но, чтобы в то же время и не было впечатления, что я ее спрятал специально. Вместе с ней я засунул молитвенник, который мне дал в берлинской тюрьме немецкий священник. В этом молитвеннике две первые страницы были исписаны стихами Джалиля, которые он написал мне в подарок.

Немцы начали составлять инвентарную опись вещей. Они увидели среди других вещей молитвенник и тетрадку и записали их тоже, спросив меня про тетрадь: “Что там такое?” Я сказал, что это мой дневник, а они сдуру, на мое счастье, не обратили внимания, что в тетрадке записи не на немецком и не на французском, а на другом языке. Впрочем, они спешили, они в тот день отправляли много людей.

<…>

Посылка с моими вещами, с молитвенником и тетрадкой Джалиля пришла к моей матери, и она хранила все это до моего возвращения домой после войны. Когда меня отправляли из тюрьмы в концлагерь, мне разрешили написать матери письмо. Я не мог написать ей прямо, но постарался дать понять, чтобы она, во что бы то ни стало, сохранила эту тетрадку и молитвенник.

Когда я вернулся, оказалось, что молитвенник пропал, не знаю, как это получилось, а тетрадь сохранилась, и я ее передал в советское посольство. Сам я не мог передать ее потому, что после концлагеря был долго болен, но я попросил одного своего товарища, который бывал в Брюсселе, свезти тетрадку в советское посольство. Он взял тетрадь и, вернувшись, сказал мне, что выполнил мое поручение.

<…>

В тюрьме никто не говорил другим о своих делах, боясь, что рядом с ним в камере могут оказаться люди, специально подосланные немцами. Но мы с Джалилем доверяли друг другу и разговаривали о своих делах. Однако, когда говоришь, дополняя слова жестами и еле-еле зная язык друг друга, то не всегда и не все понимаешь.

<…>

Джалиль, до того как попал в тюрьму, сидел в немецком концла-

гере. Туда, к ним в лагерь, пришел главный муфтий. Там, в лагере, было известно, что Джалиль – писатель, и муфтий требовал от него, чтобы Муса и несколько других татар написали обращение ко всем военнопленным татарам с призывом вступить в армию генерала Власова. Как я понял из слов Джалиля, они для вида согласились сделать это, но в то же время в подпольных листовках, которые они выпускали в лагере, написали все совершенно обратное и призвали татар не вступать в армию генерала Власова. Всего, как мне говорил Джалиль, в их подпольной организации, которая выпускала листовки, было двенадцать человек татар. Потом они привлекли еще одного – тринадцатого, и этот тринадцатый их выдал. Насколько я помню, они часто говорили об этом через стену с Булатовым.

<…>

У нас было много свободного времени, я старался протянуть его, и каждый день утром брился подолгу, по целому часу, а то и больше. У Джалиля, насколько я помню, борода росла медленно, и он брился только изредка. Пока я каждый день с утра брился, Муса обычно писал что-то на кусочках бумаги, оторванных от “Фелькишер беобахтер”, писал, рвал и снова писал. Когда я кончал бриться, он переставал писать, и у нас начинался разговор при помощи рисунков. Так шло время до полудня. В полдень было то, что называлось нашим обедом. После обеда мы опять учили язык, а часа в четыре дня Джалиль снова начинал писать.

<…>

Много говорили о своих семьях, родных. Я не убежден, что я все хорошо понимал… Он много говорил о жене, и если я не путаю, то он говорил мне, что тетрадь, которую он мне отдал, предназначается жене. О чем бы он ни говорил, он был всегда очень спокоен и неизменно восхищал меня этим.

<…>

Он был очень спокойный и мужественный человек. Я не мог не выполнить его просьбы. Встаньте сами на мое место: мне передают тетрадь на незнакомом языке, я не могу ее прочесть, я не знаю, что в ней написано. Я знаю, что человек, который мне отдал свою тетрадь, – поэт. Я не знаю, какой он поэт, хороший или плохой, но я знаю, что он хороший человек, я его глубоко уважаю за его спокой-

ствие и мужество, и раз такой человек – товарищ по камере – просит меня что-то сделать, то я знаю, что это надо сделать. Я думаю, что он мне при последнем свидании не напомнил о своей просьбе потому, что знал, что я сам помню о ней.

Моабитская тетрадь

Песни, дети солнечного дара,
Расцветайте на земле моей!
Сколько будет силы в вас и жара —
Столько права жить среди людей.
(«Песни мои»)

Моабитская тетрадь – цикл стихотворений татарского поэта Мусы Джалиля, написанный им в Моабитской тюрьме.

До нас дошли две маленькие, размером с детскую ладошку тетрадки с моабитскими стихами Мусы Джалиля. Первая из них содержит 62 стихотворения и два фрагмента, вторая – 50 стихотворений. Двадцать из них, очевидно, те, которые поэт считал наиболее важными, повторяются в обеих тетрадках. Таким образом, моабитский цикл содержит 92 стихотворения и два отрывка. Первую тетрадь вынес из Моабитской тюрьмы бывший узник этой тюрьмы, советский военнопленный Габбас Шарипов. В лагере Ле-Пюи во Франции он передал тетрадку военнопленному Нигмату Терегулову. В марте 1946 г. Н. Терегулов приехал в Казань и передал тетради Мусы Джалиля и Абдуллы Алиша вдове А. Алиша Р. Тюльпановой,

которая, в свою очередь, отдала их председателю Союза писателей Татарии А. Ерикею.

Тетрадь Джалиля сшита из разрозненных клочков бумаги и заполнена убористым арабским шрифтом. На обложке написано химическим карандашом по-немецки (для отвода глаз гитлеровских тюремщиков): «Словарь немецких, тюркских, русских слов и выражений. Муса Джалиль. 1943–44 г.» На последней страничке поэт оставил свое завещание: «К другу, который умеет читать по-татарски а прочтет эту тетрадь. Это написал известный татарский поэт Муса Джалиль...»

Вторую тетрадку, напитанную латинским шрифтом, Муса передал соседу по камере, бельгийскому патриоту Андре Тиммермансу. Тиммерманс смог переслать ее вместе с другими личными вещами на родину, а после войны, уже в 1947 г., передал в Советское консульство в Брюсселе. Эта тетрадь заполнялась позднее. Последнее помещенное здесь стихотворение – «Новогодние пожелания» – написано 1 января 1944 г. В тетрадке есть адрес Джалиля и краткие сведения о нем для тех, кто обнаружит тетрадку: «Муса Джалиль – известный татарский поэт, заключенный и осужденный к смерти за политику в Германии. Тюрьма. М. Джалиль». Слова эти написаны по-русски (на случай, если тетрадь попадёт в руки тех, кто не умеет читать по-татарски). Джалиль выражался осторожно: «за политику», то есть по обвинению в политической деятельности против фашизма.

Вторая тетрадка тоньше первой. Сшитая часть содержит всего 33 стихотворения, после которых поэт оставил горькую надпись: «В плену и в заточении – 1942.9 – 1943.11 – написал сто двадцать пять стихотворений и одну поэму. Но куда писать? Умирают вместе со мной».

Цикл «Моабитская тетрадь» – вершина творческого пути татарского поэта и наивысшее проявление его героического духа. В стихотворениях обнаруживаются такие мотивы, как преданность народу и Родине, вера в победу, тоска по Родине и свобода. Образ героя-воина трансформируется в новом ракурсе, как преданный служитель Родине, герой-поэт.

Философской основной «Моабитских тетрадей» являются не только размышления о Родине, но и о жизни и смерти, о предна-

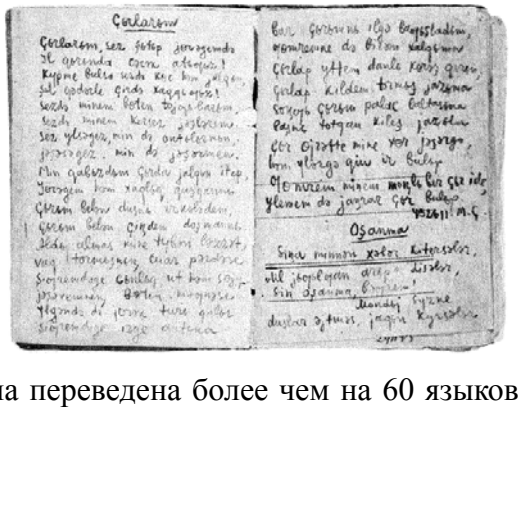
значении человека, о свободе и чести. Человеческую свободу в своих стихах Джалиль связывает со стойкостью, честью и утверждает мысль о преданность народу самого и своих друзей.

Религиозные мотивы звучат в «Моабитских тетрадях» как составная часть культурной традиции. Обнаруживается мифологизация материнского начала, оживает цепи символов родина – природа – «малая родина» – мать.

Обнаруживается и еще один мотив – мотив трагизма. С одной стороны, это трагедия поэта, заранее знавшего о своей гибели под фашистской гильотиной, с другой – трагедия немецкого народа, ставшего жертвой фашизма. Эти мотивы ярко проявляются в стихах «В стране Алман», «Палачу», «Волки», «Перед судом» и др.

Люди кровь проливают в боях:
Сколько тысяч за сутки умрет!
Чуя запах добычи вблизи,
Рыщут волки всю ночь напролет.
Что там волки! Ужасней и злей
Стаи хищных двуногих зверей.

(«Волки», март 1943 г.)



Впервые стихотворения были опубликованы после смерти Сталина в 1953 году в «Литературной газете» благодаря главному редактору Константину Симонову. В 1957 за этот цикл стихов автор был посмертно удостоен Ленинской премии.

«Моабитская тетрадь» была переведена более чем на 60 языков мира.

Приложение: Муса Джалиль в кинематографе

Биографический фильм
«Моабитская тетрадь»

Картина рассказывает о Мусе Джалиле, татарском поэте, который погиб во время Великой Отечественной в одном из наиболее страшных концентрационных лагерей называемый Моабит. Находясь в застенках, он смог написать более сотни стихотворений.

Режиссер: Леонид Квинихидзе
Сценаристы: Владимир Григорьев, Эдгар (Эдгард) Дубровский, Сергей Потепалов
Оператор: Вячеслав Фастович
Композитор: Владислав Успенский
Художник: Александр Блэк
Страна: СССР
Производство: Ленфильм
Год: 1968
Премьера: 14 октября 1968
В ролях: Пётр Чернов, Азгар Шакиров, Рафкат Бикчентаев, Айварс Богданович, Хавза Мингашудинова, Лаймонас Норейка, Анатолий Шведерский, Ильдар Хайрулин.

Список рекомендованной литературы

1. «Умирая, не умрет герой...»: Муса Джалиль и современность : научное издание. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2006. – 90 с.
2. Бикмухаметов, Р. Г. Муса Джалиль : очерк творчества / Р. Бикмухаметов. – Москва : Художественная литература, 1962. – 322, [1] с.
3. Бикмухаметов, Р. Г. Муса Джалиль: Личность. Творчество. Жизнь / Р. Г. Бикмухаметов. – Москва : Художественная литература, 1989. – 286 с.
4. Воздвиженский, В. Г. «Моабитские тетради» Мусы Джалиля / В. Г. Воздвиженский. – Москва : Наука, 1969. – 156 с.
5. Воспоминания о Мусе Джалиле [Текст] / Р. А. Мустафин. – Казань : Татарское книжное издательство, 2006. – 319 с. – На татарском языке.
6. Джалиль, М. Костер над обрывами : стихи и поэмы. Письма. Из воспоминаний поэта / М. Джалиль. – Москва : Правда, 1987. – 375 с.
7. Джалиль, М. Красная ромашка / М. Джалиль. – Казань: Татарское книжное издательство, 1981. 544 страниц; 1981 г.
8. Джалиль, М. Сочинения = Әсәрләр : в 5 т. / М. Джалиль. – Казань : Татарское книжное изд-во, 2006. – На тат. яз.
9. Джалиль, М.. Моабитские тетради / М. Джалиль. – Факс. изд. – Казань : Татарское книжное изд-о, 2000. – 215 с. : фотоил. – Текст на татарском языке.
10. Мусабекова, Р. Р. Муса Джалиль как переводчик [Электронный ресурс] / Р.Р. Мусабекова // Филология и культура. – 2014. – Вып. № 1 (35). – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/musa-dzhalil-kak-perevodchik
11. Созина, Е. К. «Так от поколенья к поколенью тянутся единой цепи звенья»: поэзия Мусы Джалиля в контексте классической традиции [Электронный ресурс] / Е.К. Созина // Филологический класс. – 2007. – Вып. № 17. – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/tak-ot-pokolenya-k-pokolenyu-tyanutsya-edinoy-tsepi-zvenya-poeziya-musy-dzhalilya-v-kontekste-klassicheskoy-traditsii
12. -Юсупова Н.М. Идеологические мотивы и архетипы в поэзии М. Джалиля [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2008 – № 2(2). – С. 164-185. – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/ideologicheskie-motivy-i-arhetipy-v-poezii-m-dzhalilya